

Зяц Сергей Михайлович

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН. "СКАЗАНИЕ ОБ ИНОКЕ ЕПИФАНИИ"

В статье рассматривается заключительный этап творческого и духовного пути Максимилиана Волошина, отраженного в его поэтическом произведении "Сказание об иноке Епифании". Показаны своеобразная интерпретация древнерусских текстов и их духовное преломление в трагическую действительность начала XX века. При этом мастерски использованы библейско-фольклорный ритм и свободный стих.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 70-72. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1(081)

Филологические науки

В статье рассматривается заключительный этап творческого и духовного пути Максимилиана Волошина, отраженного в его поэтическом произведении «Сказание об иноке Епифании». Показаны своеобразная интерпретация древнерусских текстов и их духовное преломление в трагическую действительность начала XX века. При этом мастерски использованы библейско-фольклорный ритм и свободный стих.

Ключевые слова и фразы: сказание; житие; чудо; огонь; дух; свободный стих; библейско-фольклорный ритм.

Зяц Сергей Михайлович, к. филол. н.

*Приднестровский государственный университет
smz67@mail.ru*

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН. «СКАЗАНИЕ ОБ ИНОКЕ ЕПИФАНИИ»[©]

Творческий путь поэта подходил к своему завершению, и в этом завершении виделось высочайшее духовное и поэтическое становление его. В феврале 1929 года Максимилиан Волошин вновь обращается к XVII веку, в котором он видел истоки тех смутных явлений, потрясающих современное ему общество. Не напрасно было обращение к Аввакуму и эпохе Аввакума. Кроме бакунинской черты, Волошин видел в неистовом Аввакуме и человеческие черты, которые спасительные, преображающие природу и человека. «Молебен пел, кадил... Курки исцелили... Богу все надобно: и птички и скотина» [2, с. 147]. Сквозь ужасы прослеживалась обычная человеческая натура. Волошин узрел новое в старой уходящей Руси. Уместна мысль Дмитрия Лихачева: «Новое в —Житии» Аввакума – это не столько ужасы, сколько человеческий быт, человеческие чувства, умение войти в психологию другого человека, даже врага» [3, с. 225]. В человеческом и обыденном поэт, видимо, желал узреть стойкость веры, потому-то он вновь обращается к «Житию» Аввакума. Работая над сказанием о соратнике Аввакума старце Епифании, художник опирается на его Житие, воспроизводя архаическую лексику, свободный стих, что говорит о постоянстве позднего Волошина, его обращенности к Духу.

Характерно, что Волошин обращается к жанру сказания, которое, как известно, выступает на стыке житийной и светской литературы и появляется в переломные моменты национальной или человеческой истории. В этом отношении интересно замечание Лихачева, сказанное по поводу «Сказания о Мамаевом побоище», но уместное и в данном контексте: «Несомненно, что «Сказание» – это очень значительное произведение, сравнительно большое по своим размерам, исполненное сознанием важности совершающегося, как поворотного момента в русской истории» [Там же, с. 111].

Именно поворотный пункт русской истории восстанавливает в своем сказании Волошин. Нам представляется, что в этой истории человеческой судьбы поэт пытался найти тот самый оплот веры, который поможет преодолеть русскую смуту и русский раскол. Художник и пророк ассоциировал себя и свое время с «бунташным» и раскольным веком. Волошин опирался на Житие самого инока Епифания. Оно представлялось ему более каноническим, чем житие Аввакума. Дело в том, что имя Епифаний является древнерусским архетипом и связано с автором жития св. Сергия Радонежского. Это архетип мудрости, твердой веры и бескорыстной проповеди. Волошина интересует личность Епифания, противопоставленного всему миру, как когда-то противостоял всей вселенной св. Максим Исповедник, которому, за твердое исповедание православной веры, урезали язык и отсекали руку; как когда-то шел на проповедь, ничего не боясь, апостол Павел; как когда-то шел, не ропща на свою Голгофу, Иисус Христос. Следует отметить, что поэт, подобно древнерусскому летописцу, старается быть в тени, не выпячивая себя, но высвечивая событийный ряд. «Автор – церемониймейстер, он сочиняет –действие» [Там же, с. 17]. И это «действие» исторически монументально, потому что рассказывает о борьбе человеческого духа, его светлого начала – с бесовской тьмой. Но в этой монументальности, помогающей осознать мироздание, Волошина интересует человек. Поэт возвращается к древнерусской традиции: «Монументальный ансамбль древней литературы создан —весть человеку», чтоб прославить мир, красоту и гармонию мироздания» [Там же, с. 37]. Кроме того, в древнерусской традиции автор есть исполнитель и следователь воли Божией. Волошин это прекрасно понимал. Вот что он писал в письме к историку Сергею Платонову: «Моя творческая роль была здесь самая скромная: выбрать самое ценное и характерное из подлинника и стихи подчинить интонации живой речи. Передать обаяние старорусской души тем, от кого оно скрыто за семью печатями» [2, с. 457]. Удалось ли это поэту? Безусловно. Сохранился отзыв о поэме известного художника Михаила Нестерова, писавшего Волошину: «Вам удалось сохранить не только стиль подлинника, но и дух времени, характеров, образов» [Там же].

Замечательно, что в своем творчестве Волошин обращается к русскому фольклорному началу, однако несущему не языческие мотивы, но христианские. В народной традиции противопоставление злого начала доброму – естественно. Добро же изначально в человеческом естестве, идущее от добрых во Христе родителей. Кстати, в этом одно из отличий «Сказания» от «Жития протопопа Аввакума», отец которого был

подвержен пьянству. Ничего подобного об отце и матери Епифания мы не знаем, но знаем, что от юности «ушел взыскати / Пути спасения в обитель к преподобным / Зосиме и Савватию» [Там же, с. 250]. Но путь спасения непрост. Непрост, потому что в начавшейся реформе приверженцы старого обряда узрели измену истинному учению: «Увы, и горе! Пала наша вера» [Там же]. В этом падении виделась Волошину похожая ситуация с русской революцией 1917 года. Древний Епифаний спасался, уйдя от мира на дальний остров, но разве стихии мира оставят праведника в покое? Так и поэт остался в своей коктебельской пустыньке, предав себя Христу и Богородице. Как и инок, поэт Волошин претерпевает бедствия, проходя через огненные испытания и сомнения. Все вокруг горело: «А в кельи чисто: огонь не смел войти./ И образ на стене стоит – сияет» [Там же, с. 251]. Епифаний удостоверился, что огонь сжигает нечистое, но святое тронуть не в силах, ибо святыня сама есть огонь всепоглощающий и сохраняющий.

Так Волошин говорит не только об иноке, но и о себе, окруженном огнем Гражданской войны и революции, но хранящем христианскую святыню, свою душу, силою Божией не поврежденной. Только Бог и Божья Матерь спасают Епифания от бесов, пытающихся разорить не просто пустыньку, но духовную сущность человека: «В лесу окрест живущие бесы люты» [Там же]. Не то ли видел коктебельский отшельник, когда бесы в образе людей терзали его родной край, насилуя человеческую душу, пытаясь обезобразить божественный образ и подобие. Спасение в слове и молитве: «Небесная царица, помоги мне!» [Там же]. И «Богородица из образа склонилась... Измяла/ Злодея моего и в руки мне дала» [Там же, с. 252].

Победы достоин верный, сохранивший преданность до конца, преданность молитве, Богородице и Слову, которое есть Логос, начало всякого бытия. В «Сказании» оживают старые русские традиционные рассказы, взятые из житийной литературы, о борьбе праведника с дьяволом. Этой борьбе суждено проходить до скончания века. Вот лейтмотив обращения Волошина к старорусской теме. И победа возможна только благодаря молитве и посту, по слову евангельскому [1, Мф. 17:21]. В этой вечной борьбе проходит вся русская история, неразрывно связанная с судьбой конкретной личности. Личность в библейском понимании есть центр мироздания, и именно за неё идет борьба между Богом и дьяволом, о чем свидетельствует и святоотеческая традиция, и традиция русской литературной классики. Достаточно вспомнить Пушкина с его «Станционным смотрителем», гоголевские «Мертвые души» и бессмертные творения Ф. Достоевского. И в этой борьбе дьявол использует все средства, чтобы достичь своей цели, лишив человека свободы и любви, являющихся сущностно проявлением божественных свойств: «Пред всем народом Пустозерским руку/ На площади мне секли. Внидох паки/ В темницу лютую и начал умирать» [2, с. 253]. Этот отрывок напоминает эпизод, произошедший с св. Максимом Исповедником в VII веке, когда византийский император-монофелит приказал отрезать руку, которой он писал свои книги о любви. Но далее произойдет чудо, вне которого немыслима мифологическая и библейская история: «И чую: Богородица мне руку/ Перстами осязает. <...> Очнулся, а рука платком повязана» [Там же].

Чудо является верным явлением, даже если это противоречит всем физическим законам природы. Епифанию был урезан язык, но преданный Христу инок вновь получил возможность «глаголовать ясно» [Там же]. Волошин в «Сказании» показывает силу чуда над человеком, служащим Слову и потому непобедимым. В этом отношении «Сказание» есть не просто этап становления, а факт уже состоявшегося духовного типа, каким стал поэт, пройдя горнила Гражданской войны. Как и Епифания, его принуждали замолчать, но он писал, несмотря ни на какие препоны. Епифанию реально резали до корней язык, но он отрастал, потому что ему было суждено нести Слово Истины. Волошина в трагические и непростые 20-е годы XX столетия не публиковали, но его творческая мысль и слово доходили до русских читателей. И это было чудо. Страна, где торжествовала бесовщина, слышала волошинский благовест: «И ныне веселюсь, и славлю, и пою/ Скорозаступнице, язык мне давшей новый» [Там же, с. 255].

Что поражает в «Сказании», так это не только чудо, но, в отличие от «Жития» протопopa Аввакума, беззлобность, проникновенность доброты и никакого самолюбования своей персоной. Автор – церемониймейстер традиции, даже если это касается его личных страданий. И основное – нет проклятий своим мучителям и палачам. Есть констатация факта и понимание, что идет борьба, и это борьба не с человеком, но за человека с властителем тьмы – дьяволом. Это делает «Сказание» более каноничным. У ап. Павла читаем: «Не мстите за себя, возлюбленные, я воздам, говорит Господь» [1, Рим. 12:19-21]. Это апостольское слово нам представляется важнейшим в понимании духовного отношения Волошина к Бытию. Служить Добру поэт понимал как крест, и свое поэтическое служение воспринимал как Крестное, несмотря на то, что многим его современникам, в частности В. В. Вересаеву, казалось юродством [2, с. 6]. «Ибо слово о Кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых – сила Божия» [1, 1 Кор. 1:18].

Вот этой силой Божией и надеялся поэт преобразить грешный мир, ибо в этой силе царство Божие [Там же, Кор. 4:20]. Он, как и Епифаний, понимал суть борьбы за человека, которая «не против крови и плоти, но... против духов злобы поднебесных» [Там же, Еф. 6:11-12].

В этой борьбе праведные предают души свои Богу, в этой борьбе, пройдя чрез Огонь, приобретают огонь, который есть Бог: «С гудением великим огонь, как столб, / Поднялся в воздухе, и видели стрельцы / И люди Пустозерские, как инок Епифаний / Поднялся в пламени божественною силою / Вверх к небесам и стал невидим глазу. / Тела и ризы прочих не сгорели. / А Епифания останков не нашли» [2, с. 255].

Огонь у Волошина в данном отрывке двуплостасен: с одной стороны, сила губительная, убивающая, с другой – спасительная, спасающая от этого грешного мира, не тронувшая тела праведников, ибо тело, как известно, есть храм Божий [1, 1 Кор. 6:19]. Но почему же тогда не сохранилось тело Епифания? Неужели его

тело недостойно святости и храма? Ни в коем случае. Для Епифания уготована участь, чрез которую прошел святой пророк Илия [Там же, 4-я кн. Царств 2:11]. То есть, можно сказать, что огонь здесь триипостасен, ибо третья его фундаментальная функция есть приобщение человека к реальному бытию Божию, которая есть феотическая (огненная) Сущность.

Таким образом, можно сделать вывод, что «Сказание об иноке Епифании» есть произведение, в котором поэт воскресил архетипические сущности святости, премудрости, борьбы Бога и дьявола, слова и молитвы. Художник показывает путь человека, ведущий через жертвенность и страдание, через смерть и искушение к победе Добра и Любви, которые достигаются только через огненные испытания, поэтому мифологема огня является центральной в «Сказании». Безусловно, для Волошина любовь огненная, она горит, не сгорая, подобно Неопалимой купине, горит, забирая к себе лучших, чтобы они стали светильниками, путеводными звездами человечества, тем самым составляя попечение о грешном и сумбурном мире, ибо «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» [Там же, 1-е Ин. 4:16].

Для Волошина, совершенно очевидно, это являлось краеугольным камнем его философии, в конце жизни приближающим его к богословию. Именно богословие Божьей Матери – важнейшее звено в «Сказании», оно связывает этапы жизненного пути, восхождение инока к Богу. И показывает это Волошин блестяще, используя свободный стих, так близкий к фольклору и библейской традиции, близкий старому русскому дониконианскому стилю (не будем забывать, что для Волошина раскол был трагедией, в которой суд мог быть определен только делами любви: и не важно, старого ли ты приверженец обряда или нового). Блестящее использование библейско-фольклорного ритма, безусловно, способствовало положительному восприятию его читателями. В этой связи интересна мысль Георгия Шенгели, который писал в статье «Киммерийские Афины»: «Первооснова воздействия на психику читателя – ритм представляется крайне интересным в стихах Волошина. Своеобразный и богатый, он в каждой строке переливается по-иному, в точности соответствуя всем изгибам логического рельефа. Волошинский *vers libre* – свободный стих – приближается к пушкинскому, далеко оставляя за собой почти все попытки современных стихотворцев...» [2, с. 364]. В творчестве М. Волошина форма стала органически сливаться с содержанием. Библейское понимание Бытия основано на Любви и на Правде, на созидании из душевного человека духовного и свободного, ибо, по слову апостола Павла, «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» [1, 2-е Кор. 3:17].

Обращение к Духу становится для поэта естественным и сущностным. Ушли в прошлое теософские сообразы, остались глубинные мысли о святости и Божественном бытии. Это подтверждает не только обращение к «Сказанию...», но и поэма «Святой Серафим» и «Владимирская Богоматерь».

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. М.: «Новая жизнь – Советский Союз»; «Кэмпус Крусейд Фор Крайст» СССР, 1991. 1225 с.
2. Волошин М. А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / вступ.ст. З. Д. Давыдова, В. П. Купченко. М.: Правда, 1991. 480 с.
3. Лихачёв Д. С. Великий путь: становление русской литературы XI-XVII веков. М.: Современник, 1987. 301 с.

MAKSIMILIAN VOLOSHIN. “LEGEND OF ENOCH EPIFANII”

Zayats Sergei Mikhailovich, Ph. D. in Philology
Dniester Region State University
smz67@mail.ru

The author considers the final stage of the creative and spiritual development of Maksimilian Voloshin, represented in his poetic work “The Legend of Enoch Epifanii”, shows the peculiar interpretation of Old Russian texts and their spiritual interpretation in the tragic reality of the beginning of the XXth century, and tells that at the same time the biblical-folk rhythm and free verse are masterfully used by the poet.

Key words and phrases: legend; life; miracle; fire; spirit; free verse; biblical-folk rhythm.